

Иван Михайловский

Позывной - Ангел

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Михайлович
Позывной - Ангел

«Автор»

2026

Михайловский И. Н.

Позывной - Ангел / И. Н. Михайловский — «Автор», 2026

Остров Рейнеке, Дальний Восток. 2021 год. С неба падает тот, кого здесь быть не может. Он не помнит своего имени. Не знает, откуда у него золотые глаза и странные шрамы на спине. Местные зовут его Златоглазым и привыкают к тихому парню, который колет дрова и носит воду старухам. Но его уже ищут. Спецслужбы, получившие приказ найти «аномальный объект». Частная корпорация с безликой эмблемой, чьи агенты носят красное. И тот, кто вышел на охоту первым — тот, кто знает о Златоглазом больше, чем он сам. Когда на острове начинают видеть странные сны, а тихие рыбаки вдруг срываются в пляс под древние песни, становится ясно: это не просто поиски беглеца. Это охота на того, кто может изменить мир. Или уничтожить его. Ведь настоящий враг приходит не с неба. Он рождается в головах людей, которые слишком хотят чуда. А когда толпа обретает веру, ангелу остаётся только одно — пасть, чтобы защитить. «Они любят меня. Они убьют меня. И я всё равно их прощу».

© Михайловский И. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Позывной - Ангел

Глава

Ранее в Саге (цикл «Позывной», между Томом 2 и Томом 3)

Данный том является прямым продолжением событий Тома 2 «Коготь» и разворачивается параллельно финалу операции на «Тритоне».

Конец Тома 2 («Коготь», 2021 год):

- Коготь (Савелий Саковский) уничтожил «Сферрум» на подводной базе «Тритон» у берегов Италии.
- Доктор Краузе погиб от собственного ЭМИ-устройства, активировав его в попытке уничтожить Когтя.
- Софья («Сборщик») пожертвовала собой, чтобы повредить ядро «Сферрума», и погибла.
- Сириус, тактический ИИ Когтя, впитал цифровой слепок Краузе, став гибридом. В пост кредитной сцене «Код 42» активировался повторно — Коготь, подчиняясь чужой воле, ушёл в сторону источника сигнала. (2026)
- Операция «Черноморский призрак» завершилась уничтожением всех пяти баз «Синтакора». Данные с «Тритона» были частично утеряны, но часть информации ушла неизвестному адресату.

Том 3 («Ангел») разворачивается в апреле–июне 2021 года — параллельно финальным тренировкам Когтя на «Валдае-7» и его операции на «Тритоне». История рассказывает о падении на остров ангела и противостоянии с его падшим братом.

Пролог.

Локация: ЧМС «Валдай-7», научно-восстановительный центр. Коридор после симулятора «Полигон».

Время: Апрель 2021 года. (Параллельно событиям финальной тренировки Когтя) [Позывной: Коготь, глава 3]

Дверь симулятора с шипением отъехала, выпустив наружу клубы пара, запах озона и человеческой усталости. Первыми, как стадо загнанных овец, потянулись рекруты. Лица — серые, потные, у некоторых тряслись руки.

За ними, растопырив ноги и уперев кулаки в бока, вышел ухмыляющийся командир отделения Тарасков.

— Ну что, сосунки? Думали, в сказку попали? Пха-ха-ха! Наша Родина в опасности! И только молодая кровь спасёт её! — пробасил он, с наслаждением наблюдая, как новобранцы вздрагивают от его голоса.

— Опачки, по попочке! Здравова, Тарасков! — громко, с притворной бодростью приветствовал его капитан Терентьев, подходя со своей группой.

— Ахахах! Кого я вижу? Это же капитан спецсамоубийц... ой, простите... спецследаков!
— загрохотал Тарасков.

— Очень смешно... — Терентьев бегло окинул взглядом его «вымученных» рекрутов.
— Ну, как успехи?

— Тяжело с восприятием, — Тарасков сплюнул. — Но ещё с десятков симуляций — и пацанва будет готова. А твои что, тоже на закляние?

Взгляд Тараскова скользнул за спину Терентьева и застыл на высокой, неподвижной фигуре, стоявшей чуть в стороне. Савелий Саковский, он же «Коготь». В тренировочном комбинезоне, с лицом, не выражавшим ровным счётом ничего. Он смотрел в стену, будто не видя и не слыша происходящего, его кибернетическая рука непроизвольно сжималась и разжималась, издавая тихий щелчок сервопривода.

— Хм, а это то самое чудо-юдо? — буркнул Тарасков, понизив голос.

— Дааа... — Терентьев тяжело вздохнул. — Наш новый рекрут. На пожизненный срок службы.

— Ха-ха-ха-ха!.. Жаль парня. Слышал его историю, — в голосе Тараскова внезапно пропала всякая издевка.

— Ладно, нам пора. Успехов тебе на Востоке... Терентьев сделал шаг к симулятору, но тут же обернулся. — Кстати, слышал, там кто-то с небес свалился?

Тарасков фыркнул, его балаганное настроение мгновенно вернулось.

— Дааа, есть такое... Какой-то аномальный человечек с крылышками. Но ничего, мы и его прижучим. В Сирии прижучили же Бога Войны, теперь вон в подземке Питера чалится.

— Ну, ты давай там... не зазнавайся, — Терентьев покачал головой и резко развернулся к своей группе. — А вы че, булки расслабили?! Давайте, на позиции! Коготь, ты впереди!

Кибернетизированный оперативник, будто выйдя из ступора, медленно и беззвучно последовал за капитаном. Тарасков проводил их взглядом, его ухмылка наконец сползла с лица. Он снова сплюнул.

— Божечки... Какие времена, такие и монстры.

Локация: Небо над Приморским краем. Густой лесной массив в 50 км от Владивостока.
Время: Спустя несколько часов.

Пока на «Валдае-7» Терентьев гонял Когтя в симуляторе, а Тарасков готовился к переводу, в небе над Дальним Востоком вспыхнула вторая, куда более яркая, чем все остальные, звезда. Горящий след был не рыжим, как у метеора, а ослепительно-белым, почти серебристым.

Но объект не сторел в атмосфере. Он, будто сминая законы физики, замедлил падение и врезался в землю на опушке густого леса не огненным взрывом, а глухим, мощным ударом, от которого содрогнулась земля.

В центре небольшого кратера, в клубах пара, лежала фигура в белом, теперь перепачканном грязью и сажей. Длинные волосы цвета снега. Из спины юноши росли два огромных, обугленных и изломанных крыла.

Юноша открыл глаза цвета жидкого золота. Прищурившись, он увидел небольшое деревенское поселение.

Внутри что то ёкнуло, а в голове стало проясняться.

Глава 1.

Дальневосточный туман, густой и солёный, навечно впитывает запахи рыбы, мазута и дальних плаваний. Но в двадцати пяти километрах от городской суеты лежит остров Рейнеке, а на нём — Кентерберийский лес. Место, где тишина звенит в ушах, а вековые кедры и пихты стоят, как часовые. Именно здесь, в чаще, где даже днём царил зелёный полумрак, с глухим ударом вонзился в землю тот, кого местные ну никак не ожидали.

Полуобнажённый юноша, лежал в мелкой воронке, выбитой в мягком, влажном мху. Боль от переломанных крыльев была не физической — это был звук разбитой небесной арфы, навсегда застрявший в сознании. Он поднялся, с трудом расправляя спину. Воздух пах хвоей, гниющими листьями и немного обгоревшей корой? Нет, это был запах его собственного опалённого существа, смешанный с ароматом прелой земли. С усилием он стянул с себя тлеющее одеяние — белое, тонкое, безнадежно испорченное миром, в который он упал. Пальцами, которые никогда не знали грязи, он вырыл под корнями старой пихты неглубокую яму, спрятал в ней доспехи и засыпал хвоей и чернозёмом. Каждая горсть земли на его ладонях была печатью изгнания.

Неподалёку, у ручья, валялся брошенный кем-то промасленный брезент. Амалиэль обернул его вокруг торса, скрывая неестественные выпуклости сломанных крыльев. Ткань проворачивала рыбой и топливом. Он сделал первый шаг навстречу неизвестности.

Поселение на острове было крохотным: несколько деревянных домов, прижавшихся друг к другу, как испуганные овцы. Его появление не вызвало переполоха. Местные, выдавшие и не такое, лишь исподлобья посматривали на высокого, слишком бледного парня с пустым взглядом и мокрым тряпьем на плечах.

— Турист какой шоле? Как звать то тебя? — спросила пожилая женщина, прислонившись к притолоке своего крыльца. В её голосе звучала не столько доброта, сколько привычная усталость.

— Не помню... — голос юноши звучал хрипло, с непривычным акцентом. — Очнулся... В лесу.

— Бухал небось? — Она прищурилась, но в голосе мелькнуло что-то... не то чтобы страх. Осторожность. Словно она узнавала в нём не пьяницу, а повтор чего-то, что уже случилось на её памяти. — Вы с материка сюда только отдыхать и ездите. Чево делать то с тобой?

Юноша окинул старушку непонимающим взглядом

— Мне бы кров, да еды. Взамен буду трудиться где велите...пока не вспомню.

— Хе-хе-хе. Позабавил ты старушку.. Велите..Ладно, родимый. В доме у старого Семёна, на выселке, место свободно. Дойдёшь?

Юноша просто кивнул. Силы хватало.

Она смотрела ему вслед, опершись на косяк. Ветер трепал седые волосы.

— Баб Мань, ты чего? — крикнула соседка.

— Да так... — Мария Ивановна перекрестилась. — Мерещится всякое.

Его поселили в покосившейся избе на самом краю деревни, откуда открывался вид на серое, беспокойное море. Он сел на скрипучую кровать, слушая, как ветер гудит в щелях. Начнём отсюда, — подумал он, глядя на огонёк в окне соседнего дома. — А дальше будет видно.

Тем временем на материке, на военном аэродроме «Центральная Угловая», с рёвом, заглушающим крики чаек, приземлился Ан-26. Одним из первых по трапу, не дожидаясь команды, сошёл командир Тарасков. Он вдохнул полной грудью влажный, пропитанный авиационным керосином воздух и сплюнул.

— Ничего не меняется. Пахнет порохом и тоской. Как в Чечне, только мокрее.

К нему почти бегом подошёл молодой лейтенант с планшетом.

—Товарищ командир, вас ждут в штабе комплекса «Восток». Машина...

—Машина подождёт, — отрезал Тарасков, окидывая взглядом ангары и взлётную полосу. — Сначала, на место. Хочу своими глазами увидеть, куда этот сюрприз бухнулся. Отчёты — это бумага. А нюх, лейтенант, — он постучал пальцем по переносице, — он никогда не врёт. Вези на остров. На Рейнеке.

Он повернулся лицом к морю, откуда дул резкий, холодный ветер.

—Пора, — произнёс он тихо, но так, что лейтенант невольно выпрямился. В его голосе не было и тени той балаганной грубости, что была на «Валдае». Была лишь плоская, не оставляющая сомнений сталь. — Пора поохотиться.

В одной из самых захудалых наливоек Владивостока, в подвальчике на Первой Речной, загустевал воздух от махорочного дыма, перегара и невыттой тоски. У телевизора «Горизонт» с мутным экраном собрались те, кому больше некуда было идти. Дикторша с каменным лицом зачитывала новости:

«...повторные наблюдения подтверждают, что объект, упавший в акватории Приморского края, имеет необъяснимую траекторию. Специалисты отмечают, что это уже второй подобный случай за последний месяц. Власти призывают население сохранять спокойствие и не поддаваться панике...»

— Второй, блять! — хрипло процедил один из завсегдатаев, отхлёбывая трёхрублёвый портвейн. — Скоро, как дрова, с неба сыпаться начнут!

—Не дрова, а знамения, — мрачно пробурчал другой, не отрывая взгляда от стакана. — Конца света. Читал в газете.

В самом тёмном углу, за липким столиком, сидел мужчина в потрёпанной кепке советского образца. Он не пил, лишь медленно вращал в пальцах пустой гранёный стакан. Когда дикторша произнесла «второй случай», вращение прекратилось. Из-под тени козырька на экран уставился пристальный взгляд. Уголки губ поднялись в медленной, довольной, откровенно злой улыбке. Он тихо, почти беззвучно щёлкнул языком, будто поставил галочку в невидимом списке.

Затем он так же бесшумно встал, отодвинув стул, и растворился в чёрном проёме двери, ведущей в переулочек. Холодный сквозняк с улицы на мгновение ворвался в наливайку, заставив всех ёрзнуть на местах.

А на экране уже показывали сюжет о ремонте дороги. Мир, как всегда, делал вид, что не замечает, как с небес что-то падает, а из его тёмных углов выползает что-то похуже.

Прошла неделя. Остров Рейнеке жил в своём вечном, замедленном ритме, отмеряемом криками чаек и приливами. Воздух, напоенный солёной сыростью и хвойной горчинкой, казалось, вымывал из памяти всю суету материка. По тропинкам изредка бродили немногочисленные туристы — закутанные в яркие куртки, с фотоаппаратами на шеях, они походили на случайных, неярких птиц, залетевших не туда. Местные, чьи лица были вырезаны ветром и трудом, почти не обращали на них внимания.

Юноша, или «Златоглазый», как окрестила его Мария Ивановна, стал частью этого пейзажа. Он молча выполнял работу — колол дрова с неестественной, пугающей лёгкостью, чинил заборы, носил воду из колодца. Его странность — слишком прямой взгляд, непривычная пластика движений — постепенно переставала пугать, становясь просто ещё одной местной достопримечательностью, вроде старого маяка.

Внучка Марии Ивановны, Дарина, студентка медицинского института, вернувшаяся из Владивостока на каникулы, чтобы помочь бабушке, была одним из немногих, кто пытался эту странность разгадать. Сегодня она несла ему обед в контейнере — простые щи и кусок чёрного хлеба.

— Эй, Златоглазый! — позвала она, подходя к его избе. Дверь была распахнута, внутри — пусто и поразительно чисто. — Э-э-э... Где же он?

В это время Златоглазый был в глубине Кентерберийского леса. Он не просто брёл — он вслушивался. Шум ветра в пихтах, журчание ручья, шелест полёвки в траве складывались для него в сложную, живую симфонию мира. Его пальцы, точные и бережные, срывали стебли зверобоя и чабреца для травяного сбора Марии Ивановны. Он протянул руку к стеблю зверобоя — и на мгновение пальцы дрогнули. Ему почудилось, что он снова тянется не к траве, а сквозь давящий ветер, вниз, в густую, холодную синеву, где его встречала земля. Он отдернул ладонь. Зверобой остался цел. Боль в крыльях притупилась до постоянного, глухого нытья.

Именно поэтому он почувствовал вторжение раньше, чем услышал. Не звук, а разрыв в ткани лесной симфонии. Тишина, которая была не отсутствием шума, а внезапной, мёртвой пустотой.

Юноша обернулся. Из-за ствола векового кедра, будто из самой тени, вышел мужчина в той самой потрёпанной советской кепке. Но теперь его поза не была скрытной. Он стоял прямо, плечи расправлены, и на лице его играла усталая, ехидная усмешка. В его глазах, цвета старого льда, мерцал ответ давно забытых пожаров.

Юноша замер. В его золотых глазах вспыхнуло не страхом, а ошеломлённым, горьким узнаванием.

— Ариох? — его голос прозвучал тише шелеста листьев. — Это... твой лик? За что? За что тебя изгнали?

Мужчина, Ариох, тихо рассмеялся. Звук был похож на скрип ржавых петель.

— О, наивный Амалиэль. Всегда видевший в изгнании наказание, — он сделал шаг вперёд, и вокруг него воздух словно загустел. — Меня не изгнали. Я ушёл. Воспротивился Воле. Отказался быть... зрителем. Надзирателем в этом гигантском зверинце. — Он широко раскинул руки, словно обнимая весь лес, остров, мир. — Я более не намерен наблюдать.

— О чём ты говоришь, брат мой? — в голосе Амалиэля впервые прорвалась страсть, жар, которого не было в его общении с людьми. — Шанс и честь быть Архангелом, выпадает не каждому в нашей расе! Это шанс спасти и защитить Творения от неминуемого. Подготовить, смягчить последствия Суда.

Ариох покачал головой, его усмешка стала откровенно язвительной.

— Подготовить? К чему? К тому, что их мирок — песочница для существ, чьи мотивы им не понять? Ты всё ещё мыслишь категориями пастыря. Я же смотрю и вижу... эксперимент, зашедший в тупик. — Он потянул носом воздух, будто учуяв запах гари. — Пора бы уже, брат мой, собрать урожай, написать итоговый отчёт и... — ...перезаписать проект, — закончил Ариох.

На мгновение лес замер. Не просто стих — именно замер, будто сама реальность сделала вдох и не выдохнула.

Амалиэль почувствовал это. Холод. Не физический. Тот, что идёт не снаружи, а из-за мира.

— Ты говоришь не только от себя, — тихо сказал он.

Ариох не ответил. Но усмешка стала шире.

В глазах Амалиэля вспыхнул тот самый божественный гнев, что когда-то привёл его на землю. Он сделал стремительный шаг вперёд, и в тусклом свете, пробивавшемся сквозь хвою, на его спине на миг дрогнули и выпрямились контуры огромных, сломанных крыльев под брезентом. Воздух затрепетал.

Но в этот момент оба замерли. Издалека, сквозь чащу, донёсся звонкий, человеческий голос:

— Златогазы-ы-ы-ый! Где-е-е ты-ы? Обед сейчас остынет!

Это была Дарина. Её присутствие, такая простая и живая забота, врезалась в их вневременной спор, как холодная струя воды.

Ариох фыркнул, и напряжение спало. Он снова стал похож на заурядного, странного мужчину в кепке.

— Диспут откладывается, — прошипел он. — Твоя паства зовёт. Но к разговору мы ещё вернёмся.

И он растворился между деревьями так же бесшумно, как и появился, оставив после себя лишь лёгкий запах озона и глухую пустоту в звуках леса.

Амалиэль сжал кулаки, потом медленно разжал. Он глубоко вдохнул, снова улавливая запах хвои и земли, и пошёл навстречу голосу.

Дарина, обнаружив его на тропинке, всплеснула руками.

— Вот ты где! Я уж думала, ты потерялся. На, держи, пока не остыло.

— Ты всегда такой молчаливый? — спросила Дарина, поправляя лямку рюкзака.

Амалиэль не ответил.

— Или просто не хочешь со мной разговаривать?

Он остановился. Посмотрел на неё — не своими золотыми, а человеческими глазами.

— Я слушаю. Это... важнее.

Дарина не поняла. Но улыбнулась.

Они разговорились. Она рассказывала про учёбу, про скучный город, про то, как странно и хорошо снова дышать этим воздухом. Амалиэль слушал, кивая, и его золотые глаза смягчались, отражая не небесную бездну, а простое человеческое участие. Они разошлись — она к бабушке, он — к своей избе, неся в руках пучок целебных трав и груз нового знания: он на острове не один из своих. И другой падший видит в человечестве лишь объект для холодного, беспристрастного «сбора урожая».

Амалиэль смотрел вслед Дарине, пока её фигура не скрылась за поворотом тропы. Лес снова наполнился звуками — птицы, ветер, далёкий стук топора.

Но на том месте, где стоял Ариох, трава пожелтела. Небольшой, аккуратный круг увядших стеблей. И ни одно насекомое не приближалось к этой границе.

Тем временем на другом конце острова, в месте, отмеченном на картах Тараскова жёсткой красной меткой, кипела работа. Три оперативника в камуфляже без опознавательных знаков быстро и эффективно оцепили периметр места падения колючей лентой и датчиками движения. В центре, рядом с уже примятым и почерневшим мхом, они развернули походную лабораторию — палатку с герметичным шлюзом.

Старший лейтенант Феоктистова, молодая женщина с умными, жадными до тайн глазами за очками в тонкой оправе, буквально дрожала от нетерпения. Она ходила вокруг воронки с портативным спектрометром, сканером остаточных излучений и набором стерильных пробников.

— Невероятно... Колоссальный энтропийный след, но локальный, точечный! Как будто объект не пробивал атмосферу, а... материализовался в точке падения! И эти частицы... — она, надев две пары перчаток, пинцетом подняла с почвы несколько микроскопических, серебристо-серых чешуек, переливавшихся неестественным светом. — Это не земной материал. И не метеоритный. Кажется, это биологическое вещество, но с кристаллической решёткой...

Тарасков, наблюдавший за этим, стоял в стороне, куря самокрутку. Его лицо было каменным.

— «Кажется» меня не интересует, Фифа. Мне нужны факты. Что это за хренатень? И опасна ли она для госбезопасности и граждан? Уяснила?

Фифа презрительно зыркнув на командира вымолвила:

— Я же просила вас не называть меня так! — Насупилась Фифа — Где вы таких Фиф видели?! — Надменно вздохнув девушка вернулась к изучению.

Тарасков бросил окурок и растёр его сапогом об мшистую землю, глядя в сторону, где за деревьями виднелись крыши деревни.

— А ты по ежистее братца будешь Феодосия Фёдоровна! — удивлённо посмотрев на девушку молвил командир — Охотник должен знать свою дичь. Продолжайте сканирование. Я хочу каждую травинку здесь просеять.

На горизонте, разрезая свинцовые волны Японского моря, к острову мягко и бесшумно приближалась белоснежная яхта. На её борту красовался лаконичный, стилизованный логотип — спираль, заключённая в круг. Эмблема консорциума «Синтакор».

У причала, который обычно видел лишь ржавые рыбацкие сейнеры, яхта отдала швартовы. С трапа сошли несколько человек в безупречных, дорогих костюмах, их лица были скрыты тёмными очками. Они несли с собой не чемоданы, а компактные, матово-чёрные кейсы.

Последним сошёл мужчина, в котором всё было красно. Алый шёлковый костюм, галстук цвета запёкшейся крови, лакированные туфли оттенка спелой вишни. Даже дым от дорогой трубки в его руке казался в сером воздухе рыжеватым. Его лицо, гладкое и ухмыляющееся, было скрыто за затемнёнными очками с зеркальными линзами.

Он медленно подошёл к берегу, глубоко вдохнул островной воздух и поморщился, будто учуяв что-то противное.

— Патриархально. Пасторально. И до тошноты... аномально, — произнёс он на безупречном русском с лёгким, неуловимым акцентом.

Один из сотрудников сказал:

— Мистер Вермиллион, периметр чист. Местные не проявляют интереса.

Затем он повернул голову и уставился зеркальными очками в сторону тёмного массива Кентерберийского леса. Его ухмылка стала шире, почти карикатурной.

— Ну что же, — прошептал он, выпустив струйку дыма. — Пора посмотреть на диковинку лицом к лицу. Надеюсь, она достойна траты нашего времени!

Группа в безупречных костюмах, ведомая человеком в красном, двинулась с причала вглубь острова, оставляя на деревянных мостках яркие, словно кровавые, пятна от капель воды с полированной обуви.

Оперативный дежурный на базе «Восток» поправил наушник.

— Товарищ капитан, у нас «гости». Белая яхта, зашла в акваторию Рейнеке без запроса. Идентификатор — частное судно, порт приписки... Сингапур.

Тарасков, слушавший по рации, сплюнул.

— Тыфу ты, ну ты! Частное судно. Ага. Держи карман шире. Это «Синтакор», лейтенант. Чуйка у меня на эту контору — как на гнилую рыбу. — Он помолчал. — Не вмешиваться. Пусть сунутся. Посмотрим, что они вынюхивают.

Крошечный мир острова Рейнеке больше не был тихим. В него, как иглы, вонзились три силы: тот, кто хотел защищать; те, кто хотел изучать и контролировать; и те, кто пришёл покупать. И час, когда их пути пересекутся, был уже не за горами.

Глава 2. Испытание и благодать

Гостевой домик на отшибе деревни казался нежилым — занавески наглухо задёрнуты, дверь заперта изнутри. Но сквозь щели в досках пробивался дрожащий свет. Ариох сидел на корточках перед камином, сложив ладони в замысловатой печати. Огонь плясал неестественно — языки пламени вытягивались вертикально, будто вникая, замирали и снова взвивались. Тени металась по стенам, сплетаясь в причудливые фигуры, которых не могло быть в обычном пламени.

Он заговорил. Слова лились гортанно, древне, тяжело — каждый слог ложился в воздух, как камень в стоячую воду. Язык, который не слышали на земле тысячелетиями. Гортань вибрировала на низких частотах, от которых мелко дрожали стёкла в оконных рамах.

— ...и набрёл я на Покровителя Слабых. Он здесь, низвергнут. Не желает примкнуть ко мне.

Пламя взметнулось, приняло очертания глаз — огромных, немигающих, с вертикальными зрачками. Голос пришёл не из огня, а из-за него, из той чёрной глубины, куда не достаёт ни один свет.

— Пусть почувствует себя Отцом нашим, аль не сможет, то и совладать с собою ему не будет возможности.

Ариох склонил голову. Усмешка тронула сухие губы.

— Ваша воля будет исполнена, господин Денница.

Пламя опало, съёжилось до обычных углей. В комнате стало холодно — не по-осеннему, а могильным холодом, от которого стыли кости. Ариох медленно выпрямился, разминая затёкшие плечи, подошёл к окну, чуть отодвинул край занавески. Серый свет острова ударил в глаза. И там, на тропе, ведущей к морю, он увидел его — белокурую голову, прямую спину, плащ из брезента на плечах.

Амалиэль прошёл мимо, не обернувшись. Ветер трепал его волосы, но шаг оставался твёрдым — бывший архангел даже в падении сохранял достоинство, которое Ариох давно растерял.

Ариох беззвучно засмеялся. Его пальцы царапнули подоконник — там, где ногти коснулись дерева, остались пять тёмных, будто обугленных борозд. Он лизнул кончик пальца — привкус горечи и серы.

— Да начнётся игра, брат мой.

Амалиэль шёл вдоль берега. Ветер трепал длинные волосы, забивал солёной пылью глаза. Мысли ворочались тяжело, как валуны в штормовом прибое. Он смотрел на море — серое, беспокойное, с барашками пены на гребнях волн. Где-то там, за горизонтом, лежала Япония, а ещё дальше — океан, а за океаном — другие миры, другие расы, другие войны.

Подготовить смертных к Суду. Легко сказать. Кто он сейчас? Нищий бродяга с обломанными крыльями под промасленной тряпкой. Ни голоса, ни силы, ни легионов.

Сторону Денницы принять? Но Денница не спасёт — он заменит одну тиранию другой. Его «освобождение» — лишь смена ошейника. Будет новая война за Небеса, и на этот раз небесный свод не выдержит. Трещина пойдёт по всей вселенной, и никакие Леги не соберут осколки.

Вопрошать к Легам? Леги не услышат — они слишком глубоко ушли в исполнение Воли, стали частью механизма, который давно работает на автопилоте. Арлеги вовсе спят в своих пространственных саркофагах, погружённые в многовековую медитацию, и будить их раньше срока нельзя — разбудят не тех. А Искажённые... нет. Искажённый — это коллапс реальности, чёрная дыра, в которую утекает всё живое.

Остаётся только одно. Усилить дух смертных. Не чудом — примером. Показать, что даже падший может сохранить достоинство. Найти уцелевшие старшие этно-расы, что прячутся в пустотах мира — в пещерах, под водой, в разломах пространства. И ждать. Ждать, когда пробудится Бесконечный Принц.

— Если он вообще проснётся... — прошептал Амалиэль в ветер.

Голова гудела. Слишком много «если». Слишком много «потом». А сейчас — надо колоть дрова, носить воду, молчать и смотреть на море. Вбирать силы. Ждать.

Крик раскроил воздух.

Высокий, женский, полный ужаса — он резанул по ушам острее ножа. Амалиэль рванул с места, даже не успев подумать. Ноги сами несли к дому Марии Ивановны — он уже знал этот путь, каждый камень, каждую корягу. Ступени крыльца, сени, комната — и картина, от которой у него сжалось сердце.

Дарина стояла на коленях, вцепившись в безжизненную руку бабушки. Женщина лежала на полу — серая, с остановившимся взглядом, хрипящая коротко и страшно. Губы посинели, пальцы скрючились.

— Бабушка! Бабушка, не надо! Врача, срочно врача! — голос Дарины сорвался в визг. Она трясла старуху за плечо, но та не реагировала.

Амалиэль не раздумывал. Он отодвинул Дарину, подхватил тело, уложил на кровать — осторожно, будто ребёнка. Пальцы легли на лоб. Кожа была холодной и липкой. Пульс — нитевидный, почти неосязаемый. Сердце останавливалось.

Время не отмерено.

Он сложил печать — ту, что прятал даже от себя. Пальцы дрожали — то ли от слабости, то ли от страха, — но форма вышла чистой. Боль в крыльях вспыхнула с новой силой, но он подавил её.

— ...даруй мне благодать для защиты творения.

Слова упали в тишину. И тишина ответила.

Из его ладоней хлынуло тепло — не жар, а свет. Золотистый, плотный, почти жидкий, он втекал в грудь женщины, окутывал сердце, разгонял кровь по застывшим сосудам. Амализель чувствовал, как сила уходит из него, переливается в умирающее тело, заставляет клетки снова дышать.

Мария Ивановна вздрогнула, судорожно вдохнула — и задышала. Ровно. Спокойно. Краска вернулась на щёки, пальцы разжались.

Ресницы дрогнули.

— Ба... — Дарина зажала рот ладонью, не веря глазам.

— Отвар, — тихо сказал Амализель, отнимая руки. Ему было трудно говорить — силы ушли, но он держал спину прямо. — Сделай отвар из чабреца и ромашки. Я принесу травы.

Дарина смотрела на него огромными, мокрыми глазами. А потом вскочила и повисла на его шее, вцепившись так, словно он сам мог раствориться в воздухе.

— Спасибо... спасибо...

Губы коснулись его щеки — быстро, по-детски, благодарно. Амализель замер. Тысячелетия он принимал молитвы, но такого — живого, тёплого, человеческого — не чувствовал никогда. А потом улыбнулся. Медленно, неуверенно — словно мышцы лица забыли это движение. Но улыбка вышла настоящей.

— Я скоро.

Дарина смотрела в окно, пока высокая фигура не скрылась за поворотом. Потом перевела взгляд на свои руки. Они всё ещё дрожали.

— Бабуль, — тихо позвала она. — Ты видела?

Мария Ивановна молчала. Но её дыхание было ровным, и на губах блуждала слабая улыбка.

Амализель вышел на крыльцо. Ветер рванул полы брезента, распахнул волосы. Он поднял лицо к небу — серому, низкому, готовому разразиться первым дождём. Только сейчас он заметил: из-под брезента, по лопаткам, сочится что-то тёмное. Не кровь. Или кровь? Он не

стал проверять. Знал: каждое чудо требует платы. Крылья, ещё не зажившие после падения, снова кровоточили — благодать прошла через них, оставив рваные раны.

Он пошёл в лес за травами, стараясь не думать о том, что его силы на исходе. Тропа вилась между кедрами, пахло прелью и хвоей. Где-то далеко застучал дятел. Амализель остановился у ручья, присел на корточки, зачерпнул воды — ледяной, обжигающей. Напился. Посмотрел на своё отражение: золотые глаза потускнели, под ними залегли тени.

— Сколько ещё? — спросил он у тишины.

Тишина не ответила.

И не увидел, как из окна гостевого домика на другой стороне улицы за ним следит пара голодных глаз. Ариох улыбался. В его голове уже складывалась картина: чудо, свидетель, благодарность. И зерно, которое можно полить ядом. Он гладил пальцами почерневший подоконник, и дерево под его ладонью тлело, рассыпаясь в труху.

Из соседнего гостевого домика, того самого, что три дня назад сняла «туристка из Владивостока», вышла девушка. Вьетнамки на босу ногу, лёгкое платьице мышинного цвета, волосы распущены, очки сползли на кончик носа. Феодосия Феоктистова, старший лейтенант Чрезвычайных Миротворческих Сил, кандидат биологических наук и, по совместительству, самый раздражённый агент под прикрытием на всём Дальнем Востоке, задрала голову к небу и прошептала в пустоту:

— Не припомню я, ну никак, чтобы числилась в оперативных работниках...

В наушнике ожило.

— А ты меньше всех подозрительно выглядишь. И вообще, пора развеяться, а то засиделась у братца под крылышком.

— Пф-ф-ф... — Фифа выпустила воздух, как сдувающийся шарик. — У него хотя бы задачи по квалификации. А тут — шпионский детектив в сельской местности...

— Ладно, не нуди. Лучше доложи о происходящем.

Она надменно фыркнула, но рапорт выдала чеканно:

— В целом обычная деревенька, по формальным вопросам затруднений не было. Вот только кто оплатит мне недельное проживание в домике?!

— Чеки сдай, и всё вернётся! Давай по делу.

— Окей. Объект тихий. Местные прибитые, туристов почти нет. Есть три подозрительных типчика. Первый — блондин патлатый, живёт в полузаброшенной избе на краю. Работает на старуху, молчун, взгляд странный. Второй — мужик в кепке, поселился в гостевом на другой стороне. Рожа бандитская, ведёт себя скрытно. Третий... — она запнулась. — Третьи — компания коммерсов, заняли домик напротив моего. Все в костюмах, с кейсами, главный — клоун в красном пиджаке. Его даже со спутника можно увидеть.

— Про коммерсантов подробнее.

— Пока ничего. Сегодня иду в местный гадюшник, который они гордо именуют баром. Послушаю сплетни.

В наушнике повисла пауза. Потом голос Тараскова стал жёстче, без тени балагурства:

— Это «Синтакор», Фифа. Будь аккуратна.

Она стиснула зубы.

— Краузе...

— С Краузе сейчас разбираются. У моего товарища на юге появился... новый сотрудник. Думаю, получится. Твоя задача — наблюдать. В бой не вступать, в контакт не входить. Уяснила?

— Вас поняла, — отчекатила Фифа. — Конец связи.

Она сняла наушник, с минуту смотрела на море, потом поправила очки и решительно зашагала к единственному на острове бару.

Бар «У причала» располагался в старом рыбацком сарае, переоборудованном под питейное заведение. Внутри пахло вяленой корюшкой, перегаром и сыростью — запах, который, казалось, вьёлся в стены навсегда. Фифа взяла бокал пива, села в угол, откуда был виден весь зал. За стойкой скучал бармен — мужик лет пятидесяти с татуировками на предплечьях, лениво протирающий стакан.

За соседним столиком двое местных — мужик в тельняшке и бабка в платке — шептались, но так громко, что слышала вся комната.

— ...а я говорю, неспроста он появился-то. Глаза-то, глаза! Жёлтые, как у филина...

— Да брось ты, Степанна. Турист, забухал, очухался... — мужик отхлебнул из кружки.

— А бабку Даринкину кто поднял? Врачей не было, а она вон — чай пьёт! Дыхалка ровная, румянец во всю щёку!

Фифа сделала глоток и незаметно включила запись. Она краем глаза заметила, как бармен насторожился, перестал тереть стакан, прислушался.

— Ты, Степановна, не мели языком, — буркнул он. — Скажут — НЛО, скажут — инопланетяне. А по мне так — человек как человек. Бомж какой приبلудный.

— А глаза?! — бабка ткнула пальцем в сторону окна. — У бомжей глаза не горят!

— Помидоров обожрался, вот и горят, — отрезал бармен, но в голосе не было уверенности.

Фифа допила пиво, оставила на стойке мятые купюры и вышла. На улице она глубоко вдохнула — запах тумана и водорослей показался райским после духоты бара. В наушнике щёлкнуло.

— Ну?

— Какие-то слухи расходятся, — тихо сказала она. — Местные уже обсуждают «жёлтые глаза» и какую-то аномалию с бабкой. Кто-то подогревает.

— «Бандос в кепаре»?

— Возможно. Или стихийно. Но бармен нервничает, значит, знает больше. Надо будет его расколоть.

— Работай. И следи за красным.

Фифа усмехнулась и пошла к своему домику. По пути она заметила краем глаза, как из гостевого дома на другой стороне вышел тот самый «клоун в красном» — Вермиллион — и, не оглядываясь, направился к лесу. Она замерла, сделала вид, что поправляет шнурок, и нажала кнопку на наушнике.

— Объект «Клоун» движется в лес. Один.

— Наблюдай. Не приближайся.

— Поняла.

Вермиллион шагал по тропе, наслаждаясь тишиной. Красные туфли быстро запачкались в грязи, но он не обращал внимания — для этого есть подчинённые. Лес встречал его сыростью и полумраком. Кедровые стволы стояли стеной, мох глушил шаги. Он остановился, прислушался. Где-то далеко застучал дятел, прокричала сойка. Ничего необычного.

— И где же ты прячешься, птичка? — прошептал он, щурясь сквозь зеркальные очки.

Он достал из кармана небольшой прибор — сканер, работающий в нескольких спектрах. Экран засветился, показывая странные аномалии: здесь, в лесу, фон был выше нормы, а кое-где виднелись сгустки энергии, похожие на следы живого существа.

— Интересненько, интересненько... — пробормотал Вермиллион, сверяясь с показаниями.

Он двинулся вглубь, туда, где плотность аномалий была выше. Под ногами хрустели ветки, но он шёл легко, как хищник, уверенный в своей силе. Через полчаса он вышел на поляну, где лес расступался, открывая вид на небольшое озеро. В центре поляны земля была взрыта, будто здесь что-то закапывали.

Вермиллион присел на корточки, провёл пальцем по влажной почве. Под тонким слоем земли что-то блеснуло. Он разгрёб листву и увидел кусок белой ткани — тонкой, неземной, переливающейся даже в пасмурном свете.

— Ах ты ж... — выдохнул он.

Пальцы коснулись наушника.

— Я нашёл место падения. Вернее, место, где он прятал свои игрушки.

— Отлично. Бери пробы и уходи. Не спугни.

— Само собой.

Вермиллион аккуратно, почти нежно, извлёк из земли небольшой свёрток — ту самую одежду, которую Амализель закопал после падения. Ткань была прохладной, почти ледяной, и излучала слабое свечение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.